

Евгений
Митаев

ОТ НЕБА ДО СЕРДЦА – МГНОВЕНЬЕ

ВИЗИТ

Окно раскрою и себя раскрою,
Покуда в карантинах не зачах.
Здесь кроны благородного покроя,
И ветер чист в полуденных лучах.
Освобождаюсь от того, что вынес –
Да будет свет! Да растворится стресс!
Да затрепещет самый злобный вирус...
Ко мне явилось чудо из чудес!

Соседская пантерка леди Долли,
От ушек и до кончика хвоста
Вся в бархате. К теплу моих ладоней
Она рвалась, как юная мечта.
А я, дрессурой вымученный житель,
Вдруг ляпнул и, конечно, был не прав:
«Сударыня, дистанцию держите,
Как нам рекомендует сэр Минздрав».

И, промурлыкав вежливую фразу,
Она исчезла, влившись в день-деньской.
Мы оба с нею столь зеленоглазы,
Что это породило нас с листвою.
Мы безмятежны, кажется, немного,
Не зря же ветер нами увлечён.
И кодами, не знающими Бога,
Нам не подменишь душу нипочём.

И пусть опять о панике долдонят.
Но что нам этот жалкий непокой!
И я тебя поглажу, леди Долли,
Живой, неоцифрованной рукой.

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

На гальке остывшей – утренний иней.
 Иртыш под хмарями с Летой схож.
 Брожу по обжитой родной былине,
 В которой ни капельки не соврёшь.
 А всё потому, что твой путь осознан.
 Ни зла, ни зависти впереди!
 Здесь можно подняться по дюнам к соснам,
 Да рядом с волной веселей идти.
 Уже не слышно бедовых чаек,
 Но дорог, свеж ветерка плоток.
 В земное избранное включаю
 Зелёный, не высохший стебелёк
 И плеск весла,
 И грустинку ивы.
 Жнивья пустынное забытьё.
 Читают где-то неторопливо
 Небесное избранное моё.

НОВОСНЕЖЬЕ

А зима приходила любезною,
 Напускала морозцы незлобные,
 Не пугала метельною бездною
 И снега караваями сдобными
 Так уютно везде порасставила,
 Что хотелось гулять хоть до вечера,
 Взяв за самое главное правило
 Всепогодное светлосердечие.
 И дымки в небеса серебристые
 Уплывали, струясь полукольцами,
 И слова так легко и неистово
 Раззвенелись окрест колокольцами.
 Испытаем буранное крошево,
 Холодов ледяное дыхание.
 Но запомнится только хорошее.
 Мы его опознали заранее.

СЕМЕЙНОЕ

Однажды лепили пельмени с женой.
 Был вечер морозным под сонной Луной.
 Но мы на Луну не смотрели тогда.
 Нам лампочка в кухне была, как звезда.

Пельмешек – к пельмешку, рядочек – к рядку,
И фарш замечательный – в самом соку!
Мучица лучилась! Но главное – в том,
Что мы этот вечер слепили вдвоём.
Вели разговоры о дальних мирах,
И скалка теплела в упорных руках.
И виделись ближние наши миры
Сплошную улыбкой, без кислой хандры.
Ну вот изваяли последний пельмень.
А вечер, большой и усатый тюлень,
Степенно уплыл в ноздреватую тьму.
Немного ведь надо для счастья ему.
Но сколько для этого надобно нам?
Чтоб сытно и весело было гостям.
Чтоб каждый подумал о самом родном,
И жизнь утолялась мирком да ладком.

ОТТЕПЕЛЬ

В парящие лужи, разверстые раны
Задорно глядится светило.
Зима нагибала нас тяжким бураном,
Да, видно, растратила силы.
Она ещё скажет последнее слово,
Она поднакопит метелей...
Пусть так, но наполнены светом медовым
Синичье-щегловые трели.
И дышится нежно, и даль волоока,
И в каждом луче – откровенье.
От сердца до неба порою далёко.
От неба до сердца – мгновенье.

ГАРЬ

Сгоревший алтайский лесок из обугленных ёлок.
Зола под ногами уже отмерцала давно.
Дыхание слышим своё, и томительно долог
Наш путь в тишине через горькое это пятно.
Нет, мы не солдаты. Мы просто туристы, студенты.
Идём по нежизни живые нестройным гуськом.
И что-то волнуется в нас, словно жгучие ленты
На души наброшены ангелом умным тайком.
Здесь нечему больше гореть,
Но пришло осознанье
И хрупкости мира, и ужаса всякой беды.

Хотите прозрений?
Пройдите своё испытанье,
Оставив на пепле чеканные ваши следы.
Проложена тропка.
А в самом конце чернопала,
У самой скалы невозможно, легко, без прикрас
Цвела земляника и силу свою набирала.
И первая ягодка нежно пылала для нас.

СОНЕТ О «НО»

Но – сочинительный союз
И противительный к тому же.
Сей дуализм вгоняет в ужас,
Как минус, вымученный в плюс.

Остереженье ли, искус...
В нём всё – и жар, подбитый стужей,
И страсти промысел досужий,
И старых вин смолистый вкус.

Пускай крыло повреждено,
Пусть бередит заноза в пятке,
Но улыбаемся украдкой

И не украдкою давно
Сегодня – горько, завтра – сладко.
Так и живём – от «но» до «но».

ПОДСОЛНУХ

Дал трещину старый бордюр,
И вскоре восстал из расщелины
В наш мир, где гламур и сумбур,
Подсолнушек – молодо-зелено.
Моторов настойчивый хор
Его не пугал и не радовал.
Он видел высокий простор
Над крышами и над фасадами.
Не зная бездумной тоски,
Что ждёт за тупыми инстинктами,
Всем бедам он рос вопреки
На теле бетонном живинкою.
Пусть листьев ледащая плоть
Бензиновым чадом отравлена,

Хранил его, видно, Господь,
 И это пронзительно правильно.
 Его лепестков ореол,
 Увы, не заметили олухи.
 Тогда он кивнул и ушёл
 В картину Ван Гога «Подсолнухи».

БАЛЛАДА О ВОЗМУЩЁННОМ СЕРДЦЕ

Кардиологу было известно вполне достоверно:
 Сердце – мышечный орган, достаточно сложный и только.
 Соблюдал он режим, сторонился нападений и скверны.
 Потому не старел, в затажной одиночества стойкий.
 И мудра одиночество была, словно том без картинок,
 Безнадёжно слепа и глуха, что стена крепостная.
 Кардиолог ходил в поликлинику, тихий, как инок.
 Только в Бога не верил, нисколько о том не страдая.
 Он спокойно читал серпантинные кардиограммы,
 Безошибочно пульс находил на синюшном запястье,
 Не касались его посторонние боли и драмы.
 Иногда он кивал. Только не было это участием.
 Ничего не случалось, нигде не свербело, не ныло.
 Он читал без очков, аккуратно намыливал руки.
 Дома ждал его кактус, который пылился уныло,
 На колючках пустых распадались молекулы скуки.
 Расстоянье короткое всё же от шика до пшика,
 И однажды, среди ночи, нарушив уклад непреложный,
 Кардиолог проснулся от громких запальчивых криков.
 Его сердце бранилось, хоть гневаться сердцу не должно:
 «Век тянуть без волнения! Ну хоть бы немножечко стресса!
 Ты мужик или пень, прозябающий с краю дубравы?
 И зачем я стучу столько лет для такого балбеса,
 Если этот балбес до тоскливого ужаса здоровый!
 Сударь, вы в своей жизни сторонний занудливый зритель.
 С кем дружил? Да ни с кем! Где любимая женщина рядом?
 А тяжёлый инфаркт сей же час получить не хотите ль?
 Вот тогда одиночество взаправду окажется адом.
 Я ведь – вечный орган, а не только твой внутренний орган.
 Каково мне играть примитивные жалкие пьесы?!
 Каково мне служить позабывшему жгучесть восторга
 И гонять твою кровь, что давно уже сделалась пресной?!»
 Кардиолог икнул и на кухню поплёлся к буфету,
 Хлобыстнул коньяку и вернулся по лунной дорожке.
 Ну а что было дальше?
 Молчат летописцы об этом.
 Только точно известно, что кактус расцвёл на окошке.

ДВЕ ЗАРНИЦЫ

Ястреб зыркает жарким глазом.
Это солнце в зрачке ярится.
Ястреб страстью ему обязан,
Ибо носит в груди зарницу.
Тесно ей в ястребиной крепи,
Ей, зарнице, давай раздолье.
Укрощает её лишь трепет
Нестерпимой последней боли.
Когти плоть разорвут проворно...
Грозный ястреб, блажная птица,
Не кричи на меня задорно,
Я ведь тоже ношу зарницу.
Не для лютой какой potrzeby,
Мне зарница моя понятна –
Улетает она на небо,
Возвращаясь всегда обратно.
Напитавшись нездешним светом,
Будоражит мою вседневность
Сокровенностью семицвета.
Чтобы я позабыл про бледность
Пошлых мыслей и мутных далей,
Чтобы строки плетью не висли,
Чтоб уста мои не солгали.
Гордый ястреб, наш век исчислен,
Но, как прежде, в порывах плотен.
Где-то дремлет твоя нажива.
Ты безгрешен в своём налёте –
Точном, жадном, неудержимом.
Мне б с надеждами замириться.
И в своей многогрешной доле
Пожалею твою зарницу,
Пожелаю ей доброй воли.

